

Классическая наука породила опытное знание, сделала опыт (научный эксперимент) основой постижения истины. Фраза «опыт – путь к истине» воспринимается как нечто бесспорное и тривиальное. В данной статье хотелось бы вновь обратиться к традиционным для философии и науки понятиям «опыт» и «истина», чтобы очистить их от той бесспорности и однозначности, которую они приобрели от употребления. Хотелось бы показать, во-первых, что нельзя опыт отождествлять с научным экспериментом, а вторых, что к истине ведет иначе понятый опыт – опыт самобытия.

Понятие «опыт» – одно из традиционных в философии. Оно восходит своими истоками к античной философии, с ним работали средневековые схоласты, номиналисты и реалисты. В Новое время «опыт» находится в центре спора эмпиризма и рационализма, получает дальнейшее развитие в немецкой классической философии, в философии жизни, в марксизме, позитивизме. XX век не обошел вниманием «опыт» и в разнообразных философских течениях, часто противоположных, опирался на него, давая свои интерпретации этому понятию.

Вместе с тем, как справедливо замечает Х.Г.Гадамер: «Понятие опыта относится, на мой взгляд, – как бы парадоксально это ни звучало, – к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем»¹.

Он ссылается на сообщение Плутарха об Анаксагоре: Анаксагор видит отличие человека от животных в «эмпейрии», «мнемэ», «софии» и «технэ»². Истинное знание связывалось с софийностью, то есть с Божественной Мудростью. Это знание – привилегия Бога и Посвященных (толкователей оракулов, жрецов, пророков).

Но были еще и философы, то есть не мудрецы, а любители мудрости. Все первые философы стремятся увидеть скрытые первоначала мира, постичь единство сквозь видимое многообразие. У Парменида выделены три пути постижения Единого: 1) путь абсолютной истины; 2) путь изменчивых мнений, ошибок и фальши; 3) путь мнений, достойных похвалы, или иначе – приемлемых видимостей.

«Эмпейриа» как раз и была сферой мнений, видимостей, сферой «житейского», повседневного. Опыт связывался с жизнью индивидов. Из собственного проживания индивид выносит мнение. Нельзя чему-либо научиться на чужом опыте. Но коль так, то мнения уже не равны верованиям (общепринятым заблуждениям). Они еще не Истина, но и не фальшь. Они относятся к собственной «естине», оказываются «приемлемыми видимости».

Сократ понимал, что по сравнению с абсолютной Божественной Мудростью знание человека ничтожно и равно незнанию («Знаю, что ничего не знаю»). Но все же можно вести речь о «человеческой мудрости».

Человеческая мудрость достигается посредством диалектического метода, в котором через опровержение расхожего мнения, через приведение в замешательство, иронию и майевтику Сократ подталкивал душу человека к перерождению, освобождал ее от «иллюзий знания», заставлял «подвести итог жизни», «выдер-

¹ Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. — М., 1988. — С. 409.

² Там же. — С. 414.

жать моральный экзамен». Знание сближается с нравственным чувством, с нравственным просветлением.

Кажется, что Сократ уходит от «эмпейрии», принимая ее за «иллюзии знания». Но уходит ли он от опыта? Думается, что нет. Он вскрывает важнейший аспект опыта. Опыт у него связывается с перерождением души, с нравственным переживанием.

Надо уточнить, что Мудрость, высшее знание истины, по мнению Сократа, дается откровением. Он указывал, что занятие философией и научение заботе о душе ему открыты (предписаны) Богом в пророческих снах. В жизни своей он руководствуется велениями своего охранителя – даймона, голос которого слышит в экстатических состояниях. Путь же к человеческой истине указывает метод. Метод не рождает истину, ее рождает душа. Душа изначально беременна истиной, метод же – не более чем повивальная бабка. Итак, знание, истина рождается в процессе опыта переживания – нравственного и познавательного очищения души.

Близок к Сократу и Платон. Истину он помещает в сверхчувственный мир идей, сущностей. Душа человека постоянно стремится в этот горний мир, припоминая свое пребывание в нем. Но чтобы вспомнить истину, душа должна очиститься, подготовиться. Майэвтика для него тоже лишь вспомогательное средство, с помощью которого душа вспоминает истину. Залог истины – опыт души, изначальная интуиция правды в нашей душе.

В видимом, феноменальном мире возможна «докса» – промежуточное состояние между наукой и невежеством. Из мнений-верований можно с помощью поиска последних причин выявить устойчивое, повторяющееся. Тогда возникает наука – «эпистема». «Эпистема» – звено на пути к истине, ее высшим достижением является «дианойа» (ее мы находим в математико-геометрическом знании, где используются визуальные идеи).

Из сферы «эпистемы» необходимо взойти в сферу «гнозиса» – высшего вида интеллигибельности, где обретается чистое созерцание идеи, истины.

Восхождение к Истине связано с моральным очищением. Не обязательно этот путь должен быть логическим. Есть и алогичный путь – путь любви. Любовь – страстное стремление к Благу и Красоте. Лестница Любви – восхождение от стремления обладать прекрасным физическим телом и обрести бессмертие в роде к стремлению обладать прекрасной душой (приверженность искусству, закону и справедливости, науке) и, наконец, к сияющей Красоте – Абсолюту. Лестница Любви – мост, соединяющий мир феноменальный и мир чистой сущности, Божественности.

Платон не случайно обращается к мифу, так как чистый логос, разум достигает пределов и не может воспарить в запредельное. Миф же с его доверчивостью преодолевает эти границы и алогичным способом возносит душу в метафизическую божественную сферу. Конечно, Платон не противопоставляет разум-логос и миф, а соединяет их воедино, приводя к эвристической интуиции. Здесь мы встречаемся с подлинной мифо-логией, преодолевающей и миф, и логос в их непосредственном виде. Миф, по мнению Хайдеггера, нужен Платону для введения понятия жизни в сферу чистого логоса.

Итак, обращение к Платону и его философии позволяет нам углубить представления об опыте и знании. Опыт у него, как и у Сократа, не совпадает просто с чувственно данным. Опыт – работа души, стремление души в ее изначальную

обитель – метафизический мир Абсолюта. Сквозь несовершенные чувственные знания интеллект ведет в глубины души, где обнаруживаются изначально существующие истины. Интеллект не производит идеи, он при помощи чувственного опыта (но не в результате его) собирает, сортирует идеи. Истина становится предметом ума посредством анамнеза. Но «вспомнить» можно лишь через подготовку души, через переживание.

В античной философии «эмпейрия» связывается с единичным, случайным, конечным. Истина же, Гнозис, Мудрость – сфера всеобщего. Для преодоления случайного, конечного, беспорядочного нужна «мнемэ». Память связывает воедино разрозненные впечатления, сохраняет важные восприятия, более того, соединяет их со всеобщим. Нет опыта без памяти, без сохранения. Чувственные впечатления не изолированы от жизненного процесса, индивид собой, своей жизнью соединяет их. Поэтому опыт предполагает повторение, подтверждение. Х.Г.Гадамер, обращаясь к пониманию опыта Аристотелем, пишет: «Возникновение опыта – ... такой процесс, над которым никто не властен, который не определяется также и удельным весом одного или многих наблюдений как таковых, но в котором все таинственным образом упорядочивается само-собой»³.

«Само-собой», – на наш взгляд, фактически подчеркивает другую сторону опыта, а именно: уже упомянутую нами, индивидуально-жизненную его составляющую. Парадоксально, но именно «стянутость» разрозненных чувственных впечатлений индивидом, привязка их к уникальной неповторимости «этой» индивидуальной жизни оказывается основой общего в опыте. Таким образом, уникальность, неповторимость соединяется со сферой общего.

Актуализация опыта в отдельных наблюдениях, связанных между собой единством человеческой жизни, выявляет еще один парадоксальный аспект опыта – соединение в нем принципиальной открытости и повторяемости (= замкнутости).

Опыт выявляет типическое, повторяющееся, устойчивое, общее – основу эпистемологии – именно через свою повторяемость, подтверждаемость, связанную с закрытостью. Но опыт же и опровергает типическое, ломает ложные обобщения, выводит в сферу нового, неожиданного, бесконечно раздвигает горизонт на пути к иному, которое обретается индивидом как свое.

Самое главное, что достигается в опыте, – не знание (дианойя), которое обретается эпистемологией, а самопознание как готовность души к обновлению, к новому рождению, к выходу за установленные пределы в сферу трансцендентного. Опыт переживания, обретения ошибок, страдания приводит к новому уровню.

Опыт – база самопознания и путь, на котором обретается открытость иному, открытость конечного единичного человеческого существа сфере всеобщего, универсального – Божественной Мудрости, Гнозису.

Опыт становится понятием, не столько связанным с наукой, сколько моральным восхождением. Он соединяет живое знание, научную истину и Божественное откровение (Истину-Мудрость).

Открытость опыта, знание того, что мы можем ошибаться, приводит к поискам Истины через ее личностное постижение на основе собственного опыта.

³ Там же. — С. 415.

Все вышеприведенные рассуждения больше соответствуют сфере «житейской мудрости» («человеческой мудрости» в сократовском смысле), относятся к «приемлемым видимостям». «Приемлемые видимости» не противоречат Мудрости, Абсолюту, они по-своему приоткрывают Истину, могут вести к ней, но не всегда приводят.

Об этом размышляли эмпирики и рационалисты Нового времени. Они стремились к истинному знанию для того, чтобы найти опору для правильного действия, для преобразования и использования мира в соответствии со своими потребностями и установками. Деление мира на субъект и объект предполагало субъекта в качестве базиса, опоры мира. В таком случае, казалось бы, они должны были стать сторонниками когнитивного релятивизма и имморализма. Но они-то искали критерии достижения конечных, абсолютных истин. Вольно или невольно человек-субъект занимал позицию Господа Бога. И здесь основой совмещения человеческой и божественной позиций становился опыт, хоть и по-разному понятый.

Ф.Бэкон стремился с помощью опыта подняться над случайностью и беспорядочностью множества восприятий и мнений. Опыт – руководитель разума. Как известно, у разума «большие крылья», он может улететь от жизни, воспарить куда вздувается. Свобода разума – свобода фантазии может увести от действительности к иллюзиям, фантомам сознания. Именно опыт должен стать руководителем духа.

Опыт из жизненного превращается в научный, предполагающий возможность его повторения, воспроизведения. Появился эксперимент как форма научного опыта, где жизнь соединяется с разумом. А разум мыслится как божественное, проявленное в человеке.

Научный опыт – кентавр жизненного опыта, основанного на чувственных впечатлениях и идеальной, разумной схеме. Разнообразие внешних восприятий здесь просеяно через рациональную рефлексию над внешним предметом.

Декарт, приняв за основу интеллектуальную интуицию, не отрицает роли опыта, более того, он тоже стремится выявить научный опыт через соединение идеальной схемы и жизненного, чувственного потока впечатлений. Его дедукция, как и бэконова индукция совмещают жизненный мир – сферу внешних восприятий – рациональную схему, установку. И тот и другой искали эпистемологические методы постижения Истины. Проблема поиска истины осложнялась и тем, что мир изначально делится на Я и не-Я, опыт понимается как воздействие внешнего мира (не-Я) на познающего субъекта (Я).

И эмпирики, и рационалисты забыли, что опыт, понятый как жизненное проявление, представляет собой единство того и другого, что это сфера – переживания. Борьба рационализма и эмпиризма (при всех ее положительных моментах) ввергла науку в смуту, что отмечали такие русские философы, как Вл. Соловьев, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев и др.

Выход из этой смуты ума один: отказаться от коренного заблуждения, производящего всю эту путаницу, т.е. решительно признать, что и мертвое вещество, и чистое мышление суть лишь отвлечения нашего ума, которые существовать не могут, но имеют действительность только в том, от чего они отвлечены, в чем-то третьем, что не есть ни бездушное вещество, ни бесплотная идея⁴.

⁴Соловьев В. С. Избранное. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 177.

Жизнь – полнота действительности – везде и во всем. Жизнь предполагает живущего, страдающего и творящего в опыте своей жизнедеятельности человека, меняющегося, но сохраняющего внутреннее единство. Жизненный опыт – опыт переживания.

Понятие переживания чрезвычайно важно для осознания целостности мира, целостности бытия человека и единства знания.

Переживание противостоит одностороннему рационализму, обращает знание в сферу жизни и тем самым – гносеологию в онтологию. В нем внешний объект и состояния субъекта не разрываются, здесь обнаруживается «присутствие объекта в самом процессе знания» (Н.О.Лосский) или, наоборот, сам процесс знания принадлежит бытию. (Н.А.Бердяев и др.).

Переживание указывает также на связь индивидуальных жизненных актов и жизни вообще.

Поэтому индивидуальное переживание выражает момент бесконечности жизни. Этот момент отмечали представители философии жизни (А.Бергсон, Д.Дильтей, Г.Зиммель), а также русские философы (С.Л.Франк, Л.И.Шестов и др.).

В переживании жизнедеятельности (сам процесс жизни) и рефлексивное отношение к ней соединяются воедино. Телесное и душевное, физиологическое и психическое, внешнее и внутреннее в переживании слиты, нераздельны. Переживание включает и ценностный смысл: переживается то, что значимо для человека. Наконец, все пережитое принадлежит единству, которое и есть индивид, взятый как некое целое.

Таким образом, как подчеркивает Х.Г.Гадамер: «Любое переживание выдвигается из жизненного континуума и одновременно связывается со всей целокупностью собственной жизни»⁵. Переживание непосредственно представляет жизнь как целое, оно отражает значимость и единство индивидуального жизненного процесса. А значит, и знание, обретаемое переживанием, непосредственно представляет целое.

Тотальность жизни нельзя ни объять, ни выразить понятием, ни усмотреть внешним способом.

В переживании жизнь сама себя открывает: «Мы совершенно имманентно через переживание и самооткровение убеждаемся в ее присутствии, и лишь в этой форме она становится нам очевидной»⁶. В таком случае появляется новый смысл знания. «Знание есть здесь не суждение, а чистое созерцание: и само созерцание есть здесь не созерцание чего-то, что стояло бы перед нами и могло бы быть наблюдаемо нами, а созерцание через переживание; мы имеем здесь реальность в силу того, что она в нас есть или что мы есть в ней – в силу имманентного самооткровения реальности именно в ее непостижимости»⁷.

Место мышления, бессильного постичь непостижимое – тотальность бытия и жизни, – занимает «живое знание», «знание-жизнь».

Опыт переживания – это опыт непосредственного самобытия, то есть душевный опыт. Ведь жизнь духа не доступна внешнему наблюдателю, она открывает-

⁵ Гадамер Х.Г. Указ. соч. — С. 114

⁶ Там же. — С. 306.

⁷ Франк С.Л. Непостижимое // Соч. М., 1990. — С. 307—308..

ся лишь в ее переживании. Причем душа, наше Я, не сводится к сознанию, здесь больше подходит слово «жизнь» в его первичном смысле как непосредственного опыта о себе, в котором слиты воедино переживания с переживаемым. Наш опыт, наше переживание, наше самобытие по сути своей трансцендентны: они устремлены к иному — к всеединству. В опыте переживания всеединство открывается нам. Откровение — важнейший вывод опыта самобытия, опыта переживания.

Там, где душа открыта иному, трансцендентному бытию, где имманентное и трансцендентное сливается воедино, мы выходим в сферу духа. Сфера духа — сфера метафизики. Но метафизика не противостоит жизни людей, непосредственному самобытию, а в нем и через него раскрывается.

Стремление к безусловному началу жизни и знания составляют коренную потребность человека. Есть связь между индивидуальными душами, солидарность всего живущего. Существует связь индивидуальной души с безусловным началом всего сущего — это вывод из религиозного опыта личностей и всей метафизики.

Если физики занимаются познанием исходя из внешнего чувственного опыта, а психология исследует свой предмет исходя из внутреннего или психического опыта, то метафизика как наука, которая постигает истину, дается уму в Откровении, которое составляет религиозный опыт человечества.

Установление связи между мной и иным бытием, между имманентным и трансцендентным, а в изначальном основании — между индивидом и Богом — и составляет суть религии. Обнаружение, выявление этой связи и есть религиозный опыт, опыт Откровения.

Таким образом, сам опыт как сфера переживания, предполагает двойственность истины. Поэтому нужно установить различие научного (эпистемологического) знания и гностического постижения — откровение — и обнаружить их единство.

Религиозный опыт связывают с мистическим откровением, его нельзя изложить в научных категориях. Религиозный опыт можно вписать в эпистемологию после интерпретации и тщательной проверки «базы данных». Такие попытки есть в оккультных науках, в теологии и в религиозной философии.

Существует стремление установить соответствие научных и религиозных истин как со стороны ученых, так и теологов. Богословы считают, что наука затрагивает представления людей о Боге и его отношении к миру.

Наука привела к атеизму тем, что описала мироздание, дала научную картину мира, лишила мир таинственности. Однако само движение науки демонстрирует смену одной научной картины другой, предполагает движение в неведомое — в тайну.

Эйнштейн говорил, что «самое прекрасное чувство связано с переживанием Таинственного... Человек, которому это чуждо, который потерял способность удивляться и благоговеть, — мертв. Знание о том, что есть сокрытая Реальность, которая открывается нам как высшая Мудрость и блистающая красота, — это знание и это ощущение есть ядро истинной религиозности. Естествознание без религии хромает, религия без естествознания слепа»⁸.

Многим естествоиспытателям довелось убедиться в том, что наука — это путь к религии. Ч.Дарвин говорил, что мир покоится на закономерностях, которые можно считать свидетельством его Творца.

⁸ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. — М., 1967. — Т. 4. — С. 176.

М.Планк и Н.Винер утверждали, что закономерности мира и есть Бог, а принципы порядка во Вселенной, вероятно, не очень отличаются от того, что религиозный человек подразумевает под Богом.

Творцы науки наполняли идею создания мира Богом глубоким смыслом и жизненным значением. А.Мень перечисляет этих создателей науки: «Карл Линней, создатель биологической классификации говорил, что в многообразии мира живых существ видел силу Творца. М.Ломоносов называл веру и знание “дочерьми одного Отца”. Б.Паскаль, И.Ньютон, А.Фарадей были богословами. Л.Пастер заявил, что он молится в своей лаборатории. О Создателе, проявляющем Свою мощь в творении, говорили физик А.Ампер, геолог Ч.Лайель, эмбриолог К.Бэр, химик М.Бутлеров, физик В.Крукс, физик Р.Майер. Биолог А.Уоллес и выступал против материализма. Великий хирург Н.Пирогов обратился к вере, не утратив, по его словам, своих научных убеждений. М.Планк говорил о религии как об опоре своей жизни, психиатр Ч.Ломброзо, физики Д.Максвелл и Э.Шредингер защищали идею бессмертия человеческого духа. Этот перечень можно продолжать без конца»⁹.

Сейчас уже теология пытается согласовать свое учение с научными истинами. Вновь возникла антитеза науки и религии, вновь «двойственность истины» и необходимость установления связи и диалога между двумя способами миропостижения.

Попытки установить диалог приводят либо к отказу от непреодолимых границ между наукой и религией, либо к их соотнесению по принципу дополненности.

Последний не отрицает и той, и другой истины, но считает их несводимыми друг к другу.

При этом и наука, и религия апеллируют к опыту, но в одном случае это научный эксперимент и наблюдение, в другом – опыт откровения, то есть – религиозный опыт постижения Бога. И там, и там речь идет об истинности знания.

Итак, подведем итоги.

«Опыт», будучи одним из центральных понятий многих философских течений, остается теоретически непроясненным ввиду его связи с повседневной жизнью людей.

Повседневность по сути своей синкретична, неопределенна. В ней сосуществуют, пересекаются, дополняют и одновременно перечеркивают друг друга заблуждения и истинные знания, существенное и несущественное; типическое и то, что принципиально атипично, социальное и индивидуальное; временное вечное, конечное и бесконечное; имманентное и трансцендентное,

Опыт связан с переживанием. Переживание понимается не как сознание, а как реальный процесс жизни людей и рефлексия над этой жизнью. Опыт как способ самобытия индивида вместе с осознанием и оценкой своего бытия. Опыт соединяет тотальность жизни (бытие) с индивидуальной человеческой жизнью (с самобытием). Опыт представляет собой: а) процесс жизни человека в ее устремленности вперед, в ее открытости, ускользающей и длящейся изменчивости; б) результат осмысления своей жизни, выводы, которые делает человек в процессе жизни; в) целостность жизненного процесса, не позволяющего распадаться жиз-

⁹ Мень А. История религии. Т. 1. С. 61—62.

ни индивида на множество отдельных бессвязных актов. Именно это и служит базой самоидентификации, самопостижения, формирования своего Я.

Опыт оказывается внутренне противоречивым, он соединяет внешние наблюдения, чувственные данные об ином с внутренним психическим процессом. Он предполагает «закрытость» (догматизирующее основание), приверженность повторяемому, воспроизводимому, привязку к «своей позиции» и «открытость» тому, чего еще не было – к получению новых неожиданных результатов – (принципиальный адогматизм). Опыт являет собой непосредственную данность всеобщего через единичное, то есть «конкретно-всеобщее» или выявление Универсума, самого Бытия в самобытии, что, в свою очередь, предполагает выход в сферу духовного, формирование религиозного (в широком смысле слова) постижения мира.

Понятый таким образом опыт по-новому раскрывает и связку «опыт-знание», традиционную для понимания опыта в философии. В этой связке опыт мог отождествляться, во-первых, с «темным знанием», неистинным, неочищенным от предрассудков, то есть с мнениями, верованиями, вымыслами, которые не являются знаниями, а служат если не помехой, то только сырым материалом знания. Их необходимо «просеять» через сито разума. Во-вторых, опыт понимается как область «достоверных видимостей», чувственно-наглядных, наблюдаемых проявлений, обладающих в определенной мере истинностью. Это промежуточное звено между невежеством и Мудростью – основа эпистемологии, это уже в определенной мере обработанные разумом чувственные данные, явленные в наблюдении и эксперименте. И эмпиризм, и рационализм по-своему обращались именно к такому пониманию опыта.

Понимание опыта как процесса переживания предполагает еще один аспект, а именно: перерождение души. Ее совершенствование, подготовку к встрече с Истиной.

Гносеология, в отличие от эпистемологии, имеет дело с Гнозисом, открывающейся Мудростью, Истиной. Душа индивида должна быть готова к такой встрече, это рождение душевного в образе духовного, выход в сферу духа. И только такой опытный путь ведет к Истине.

В.В.Ким, Н.С.Рыбаков О ПРИРОДЕ ИСТИНЫ

В огромном массиве литературы, посвященной исследованию проблемы истины, существует множество определений и концепций истины. И это не случайно, ибо проблема истины ни в естествознании, ни в социальных науках, ни в какой-либо другой сфере познания и знания никогда не теряла своей остроты и актуальности. Поэтому время от времени по проблеме истины возникают острые и оживленные дискуссии¹.

Общеизвестная, ставшая, по существу, классической, формула Аристотеля – *истина есть соответствие знания действительности*, несмотря на кажущуюся ясность, представляется достаточно неопределенной, способной порождать множество интерпретаций, вплоть до альтернативных. Так, в имеющейся лите-

¹ Одна из последних дискуссий по проблеме природы истины была организована журналом «Философские науки» (См., напр., 1990. — №№ 8, 10; 1991. — №№ 4, 6, 12).